

ЧЕГО НЕ ЗРЯТ РАВНОДУШНЫЕ ОЧИ

Аркадий РАЙКИН,
народный артист РСФСР

В каждом, или почти каждом публичном выступлении художника, где бы он ни работал — в кино или скульптурной мастерской, на сцене или на эстраде, — обязательно звучит открытое или слегка завуалированное утверждение, что его жанр или вид искусства — самый главный и, конечно же, самый трудный.

Признаюсь: я не буду исключением из этого правила. Я тоже считаю сатиру самым главным и самым трудным жанром. И — самым прекрасным.

Я не собираюсь доказывать здесь, что смех — дело серьезное, а сатира — передовой отряд искусства; бичуя недостатки или пороки, сатирик лечит человеческую душу, пропагандирует высшую мораль и борется за нее. Эти истины открыты не мной, а я не считаю себя теоретиком, способным облачить известные мысли в новые блистательные формулировки. Поэтому в качестве доказательства приведу лучше слова великого сатирика земли русской Николая Васильевича Гоголя.

Попрошу читателя открыть его замечательную повесть «Мертвые души» и прочитать седьмую главу, вернее, не всю главу, а хотя бы авторское вступление к ней. Давайте прочитаем вместе эти строки:

«Счастлив писатель, который... окурив употительным куревом людские очи; он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасного человека... Нет равного ему в силе — он бог! Но не таков удел... писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи... Современный суд... отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта... ибо не признает современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скomorоха!»

Конечно, в судьбе сатирика за последние сто с лишним лет произошли значительные перемены. В наши дни, в нашем обществе на его стороне — большая гражданская правда, великие гуманные цели, за достижение которых он сражается вместе с партией, вместе с народом.

За четверть века на спектаклях Ленинградского театра Миниатюр ни разу не пустовало ни одно место. Мне лестно было бы приписать такую популярность любви зрителей к нашему театру или симпатиями ко мне лично. Но сделать это с чистой совестью не могу, потому что искренне считаю: каждый билет, добровольно купленный на выступления театра, — это каждый раз очередной голос, отданный сатире.

Приходя на сатирическое представление, зритель обязательно вовлекается в борьбу театра против всего косного, дурного, ненастоящего; он становится нашим соавтором и однопольчанином.

А если такой вольтовой дуги

между нами и зрителем не возникло, значит наши наблюдения поверхностны, оружие не остро, значит мы «сфотографировали» что-то случайное, затратили недостаточно собственного сердца на предмет своего разговора. И, наоборот, если «удар» смеха точен и адрес порока обнаружен верно, зрительный зал всегда безошибочно определит это.

Был у нас, скажем, такой номер, который на первый взгляд мог показаться обыкновенной беллетристикой. Актер едет в поезде и очень боится своей популярности: будут искать общения, не дадут покоя. И тогда он объявляет себя руководителем сапожного дела, а на вопрос, где именно он трудится, небрежно отвечает первое попавшееся: на 6-й обувной. Вот тогда-то и погиб его покой. Люди приносили ему ботинки и туфли, жаловались, угрожали, требовали... Оказалось, что у них большие счета с этим учреждением ширпотреба...

Прошло несколько лет. Как-то приехали мы на гастроль в Киев. И вдруг ко мне в гостиницу приходит директор 6-й обувной фабрики и приглашает меня на... производственное совещание. В зале, где стол был накрыт зеленым сукном и торжественно поблескивали графины с водой для ораторов, меня встретили торжественно.

— Докладываем вам, товарищ Райкин, — сказал председатель, — что ваши критические замечания нами учтены. Мы боремся сейчас не только за выполнение плана, но и за качество продукции.

Значит, пригласили меня сюда не как артиста, а как гражданина, участвующего в конкретной жизни страны. Значит, люди почувствовали в нашем номере не простое желание «повеселить» зрителя занятием историей, а заинтересованность в том, чтобы в жизни нашей ничего не было посредственно — «от зданий и до калош».

Даже такой маленький и безобидный эпизод может очень много сказать о той высокой ответственности, которую несет сатирик за каждое сказанное со сцены слово.

Мы эту ответственность понимаем. Придя на репетицию театра Миниатюр, вы можете попасть на бурное производственное совещание, где обсуждаются злободневные, подчас самые неожиданные проблемы. Согласно русской народной пословице мы стремимся даже не семь, а семьдесят раз «отмерить», прежде чем решаемся включить тот или иной подсмотренный в жизни факт, случай в свой спектакль.

И очень обидно бывает, когда вдруг находятся люди (к счастью, их немного!), кто в жизнерадостном смехе видит «зубоскальство», в здоровой критике — «критиканство», а в борьбе с конкретным

злом — поклеп на нашу действительность.

Помню, однажды, много лет назад, после очередной премьеры я был вызван повесткой (!) к одному из начальников ленинградской милиции и привлечен к ответу за то, что посмел посмеяться над одним безграмотным, грубым блюстителем порядка в чине сержанта.

— Вы дискредитируете государство в глазах народа! — грозно сказали мне.

— Да, но, может быть, милицию дискредитирую не я, а именно этот конкретный человек в синей форме? Может, надо наказать за это его, а не Райкина? И потом: постовой — еще не вся советская милиция!

— Мы-то с вами, товарищ Райкин, понимаем, — ответили мне вкрадчиво и доверительно. — Но не всякий зритель это поймет...

Мне кажется, что ни время, ни современники не нуждаются в подобных адвокатах перед сатириком.

Сатирик своего рода врач, он вскрывает порок только для того, чтобы его обезвредить, он не нападает исподтишка, как подлец, а, наоборот, защищает человека от подлца; он — открытый боец за доброе в человеке, за победу этого доброго. Поэтому-то, как справедливо подметил Гоголь, его высокий смех не имеет ничего общего с кривляньем балаганного скomorоха, а его гнев — не сродни чертам людей злых или желчных.

Если человек вам льстит, если, жалея вас, сокроет от вас ваши ошибки или недостатки, он просто или добренький, или хитренький, что к настоящей доброте — теплой, широкой, смелой — отношения не имеет.

Вот почему сатирику так необходимы доброе сердце, чистая душа и — непременно — божественное пламя таланта. Позволю добавить еще к гоголевскому перечню: и подлинное мастерство.

Об этом тоже постоянно думаем мы на своих репетициях. Искусство наше — синтетическое. Оно включает в себя публицистичность трибуны и лиризм поэта, говорящую выразительность пантомимы и достоверный психологизм драматического театра, трансформацию и музыкальность. Но вся та легкость, которая обязательна в выступлении эстрадного артиста, может вырасти только на прочном фундаменте виртуозного владения ремеслом всех перечисленных и не названных здесь «смежных» профессий. А это — вечный труд и вечный поиск. Насколько нам здесь удается что-то — судить не нам. Я упомянул обо всем этом только в подтверждение того, что сатира — жанр самый трудный.

А что для меня он самый главный — это я, по-моему, доказал...

Как говорится, «исходя из вышеизложенного», я и дерзаю мечтать о времени, когда сатирик по положению своему в искусстве и обществе займет еще более достойное место.

Сов. Россия, 1965, 24 января

ЧЕГО НЕ ЗРЯТ РАВНОДУШНЫЕ ОЧИ

В каждом, или почти каждом публичном выступлении художника, где бы он ни работал — в кино или скульптурной мастерской, на сцене или на эстраде, — обязательно звучит открытое или слегка завуалированное утверждение, что его жанр или вид искусства — самый главный и, конечно же, самый трудный.

Признаюсь: я не буду исключением из этого правила. Я тоже считаю сатиру самым главным и самым трудным жанром. И — самым прекрасным.

Я не собираюсь доказывать здесь, что смех — дело серьезное, а сатира — передовой отряд искусства; бичуя недостатки или пороки, сатирик лечит человеческую душу, пропагандирует высшую мораль и борется за нее. Эти истины открыты не мной, а я не считаю себя теоретиком, способным облачить известные мысли в новые блистательные формулировки. Поэтому в качестве доказательства приведу лучше слова великого сатирика земли русской Николая Васильевича Гоголя.

Попрошу читателя открыть его замечательную повесть «Мертвые души» и прочитать седьмую главу, вернее, не всю главу, а хотя бы авторское вступление к ней. Давайте прочитаем вместе эти строчки:

«Счастлив писатель, который... окурив упоительным куревом людские очи; он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасного человека... Нет равного ему в силе — он бор! Но не таков удел... писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи... Современный суд... отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта... ибо не признает современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха!»

Конечно, в судьбе сатирика за последние сто с лишним лет произошли значительные перемены. В наши дни, в нашем обществе на его стороне — большая гражданская правда, великие гуманные цели, за достижение которых он сражается вместе с партией, вместе с народом.

За четверть века на спектаклях Ленинградского театра Миниатюр ни разу не пустовало ни одно место. Мне лестно было бы приписать такую популярность любви зрителей к нашему театру или симпатиями ко мне лично. Но сделать это с чистой совестью не могу, потому что искренне считаю: каждый билет, добровольно купленный на выступления театра, — это каждый раз очередной голос, отданный сатире.

Приходя на сатирическое представление, зритель обязательно вовлекается в борьбу театра против всего косного, дурного, ненастоящего; он становится нашим соавтором и однополчанином.

А если такой вольтовой дуги

Аркадий РАЙКИН,
народный артист РСФСР

между нами и зрителем не возникло, значит наши наблюдения поверхностны, оружие не остро, значит мы «сфотографировали» что-то случайное, затратили недостаточно собственного сердца на предмет своего разговора. И, наоборот, если «удар» смеха точен и адрес порока обнаружен верно, зрительный зал всегда безошибочно определит это.

Был у нас, скажем, такой номер, который на первый взгляд мог показаться обыкновенной беллетристической. Актер едет в поезде и очень боится своей популярности: будут искать общения, не дадут покоя. И тогда он объявляет себя руководителем сапожного дела, а на вопрос, где именно он трудится, небрежно отвечает первое попавшееся: на 6-й обувной. Вот тогда-то и погиб его покой. Люди принесли ему ботинки и туфли, жаловались, угрожали, требовали... Оказалось, что у них большие счета с этим учреждением ширпотреба...

Прошло несколько лет. Как-то приехали мы на гастроли в Киев. И вдруг ко мне в гостиницу приходит директор 6-й обувной фабрики и приглашает меня на... производственное совещание. В зале, где стол был накрыт зеленым сукном и торжественно поблескивали графины с водой для ораторов, меня встретили торжественно.

— Докладываем вам, товарищ Райкин, — сказал председатель, — что ваши критические замечания нами учтены. Мы боремся сейчас не только за выполнение плана, но и за качество продукции.

Значит, пригласили меня сюда не как артиста, а как гражданина, участвующего в конкретной жизни страны. Значит, люди почувствовали в нашем номере не простое желание «повеселить» зрителя занятной историей, а заинтересованность в том, чтобы в жизни нашей ничего не было посредственно — «от зданий и до калош».

Даже такой маленький и безобидный эпизод может очень много сказать о той высокой ответственности, которую несет сатирик за каждое сказанное со сцены слово.

Мы эту ответственность понимаем. Придя на репетицию театра Миниатюр, вы можете попасть на бурное производственное совещание, где обсуждаются злободневные, подчас самые неожиданные проблемы. Согласно русской народной пословице мы стремимся даже не семь, а семьдесят раз «отмерить», прежде чем решаемся включить тот или иной подсмотренный в жизни факт, случай в свой спектакль.

И очень обидно бывает, когда вдруг находятся люди (к счастью, их немного!), кто в жизнерадостном смехе видит «зубоскальство», в здоровой критике — «критиканство», а в борьбе с конкретным

злом — поклеп на нашу действительность.

Помню, однажды, много лет назад, после очередной премьеры я был вызван повесткой (!) к одному из начальников ленинградской милиции и привлечен к ответу за то, что посмел посмеяться над одним безграмотным, грубым блюстителем порядка в чине сержанта.

— Вы дискредитируете постового в глазах народа! — грозно сказали мне.

— Да, но, может быть, милицию дискредитирую не я, а именно этот конкретный человек в синей форме? Может, надо наказывать за это его, а не Райкина? И потом: постовой — еще не вся советская милиция!

— Мы-то с вами, товарищ Райкин, понимаем, — ответили мне вкрадчиво и доверительно. — Но не всякий зритель это поймет...

Мне кажется, что ни время, ни современники не нуждаются в подобных адвокатах перед сатириком.

Сатирик своего рода врач, он вскрывает порок только для того, чтобы его обезвредить, он не нападает исподтишка, как подлец, а, наоборот, защищает человека от подлца; он — открытый боец за доброе в человеке, за победу этого доброго. Поэтому-то, как справедливо подметил Гоголь, его высокий смех не имеет ничего общего с кривляньем балаганного скомороха, а его гнев — не сродни чертам людей злых или желчных.

Если человек вам льстит, если, жалея вас, сокроет от вас ваши ошибки или недостатки, он просто или добренький, или хитренький, что к настоящей доброте — теплой, широкой, смелой — отношения не имеет.

Вот почему сатирику так необходимы доброе сердце, чистая душа и — непременно — божественное пламя таланта. Позволю добавить еще к гоголевскому переню: и подлинное мастерство.

Об этом тоже постоянно думаем мы на своих репетициях. Искусство наше — синтетическое. Оно включает в себя публицистичность трибуны и лиризм поэта, говорящую выразительность пантомимы и достоверный психологизм драматического театра, трансформацию и музыкальность. Но вся та легкость, которая обязательна в выступлении эстрадного артиста, может вырасти только на прочном фундаменте виртуозного владения ремеслом всех перечисленных и не названных здесь «смежных» профессий. А это — вечный труд и вечный поиск. Насколько нам здесь удается что-то — судить не нам. Я упомянул обо всем этом только в подтверждение того, что сатира — жанр самый трудный.

А что для меня он самый главный — это я, по-моему, доказал...

Как говорится, «исходя из вышеизложенного», я и дерзая мечтать о времени, когда сатирик по положению своему в искусстве и обществе займет еще более достойное место.